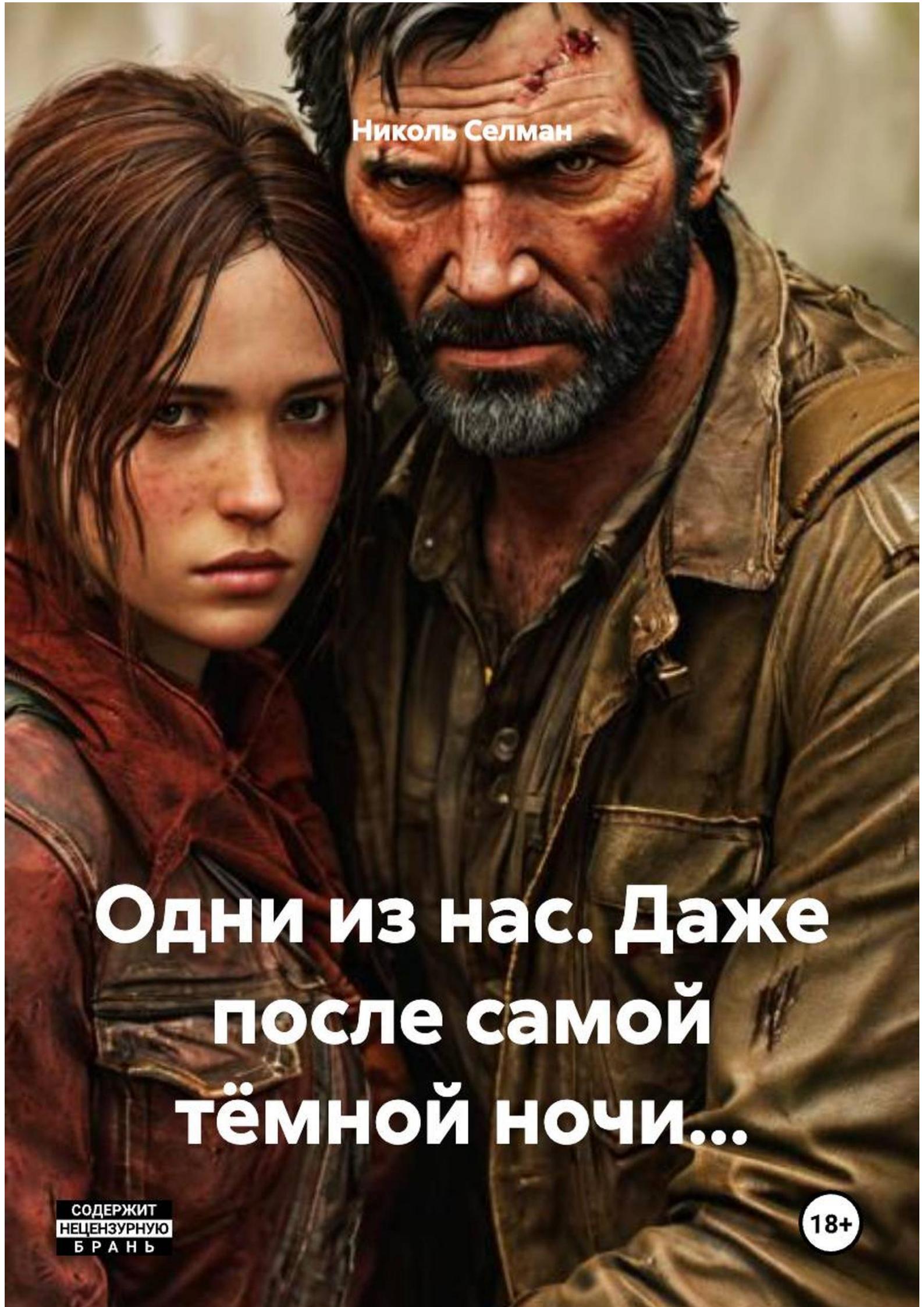

A close-up, cinematic shot of Joel and Ellie from the video game 'The Last of Us'. Joel, an older man with a grey beard and a bloody forehead wound, looks intensely at the camera. Ellie, a young girl with long brown hair, looks slightly away with a somber expression. They are both wearing worn, brown leather jackets. The background is blurred, suggesting an outdoor setting.

Николь Селман

**Одни из нас. Даже
после самой
тёмной ночи...**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николь Селман

**Одни из нас. Даже после
самой тёмной ночи...**

«Автор»

2026

Селман Н.

Одни из нас. Даже после самой тёмной ночи... / Н. Селман —
«Автор», 2026

Предупреждение: Присутствуют сцены насилия, нецензурная лексика и сексуальный контент. Пейринг: Джоэл Миллер / Оригинальный женский персонаж. Персонажи: Джоэл Миллер, Элли, Томми Миллер, Мария, ОЖП. Это не попытка переписать историю. Это не исправление канона и не его отрицание. Это — параллельный путь. История, в которой у тяжелой, израненной ноши на плечах по имени Джоэл Миллер появляется шанс не только выживать, но и жить. Шанс найти не просто пристанище в Джексоне, а покой, понимание и страсть, способную согреть даже самую остывшую душу. Этот фанфик — моё видение счастливого финала для человека, заслужившего его ценой всех своих потерь. Но путь к тихому счастью в жестоком мире никогда не бывает прямым и безопасным.

© Селман Н., 2026

© Автор, 2026

Николь Селман

Одни из нас. Даже после самой тёмной ночи...

Пролог.

Была ли связь близнецов из плоти и крови? Нет. Это было нечто более прочное и незримое – общая душа, разделенная на два тела. Мы были двумя нотами одной гармонии, двумя руками, рисующими одну судьбу. И мы знали, как дикие звери знают шестым чувством, что случится с одним, когда падет другой. Мы боялись этого знания больше, чем скрипа зараженных в ночи. Ибо смерть одного – не конец для второго. Это начало одинокого агонизирующего акта, где вторая нота навеки обречена звучать фальшью, разрывая тишину воспоминанием о потерянной целостности.

С момента, когда мир содрогнулся в лихорадке Кордицепса, наша симфония звучала в глухом, заброшенном зале. Родители пали, став первой, самой горькой жертвой, оплаченной за наше будущее. Их последний крик – не ужаса, а яростной команды «Бегите!» – стал дирижерской палочкой, взмахнувшей над нашими следующими тринадцатью годами.

Тринадцать лет скитаний. Заброшенные мотели, где пыль лежала саваном на мечтах прошлой жизни; прогнившие хижины, чьи стены пропускали не только холод, но и шепот бывшего уюта; пещеры, где дыхание земли смешивалось с нашим, двумя испуганными зверьками. Мы были детьми, но детство было для нас роскошью, как теплая ванна или немыслимая тишина без кошмаров. Взросление пришло к нам не с годами, а с первой взятой жизнью – зараженного, а потом и человека, чьи глаза светились не желтым цветом гриба, а черным огнем алчности.

Мой брат, Элиас, нес свой груз не как старший – мы родились с разницей в минут, – а как щит. Он был скалой, о которую разбивались волны этого нового, чудовищного мира. Он делил последнюю крысину тушку, грел мои ледяные пальцы своим дыханием, а его глаза, одинаковые с моими по цвету, были всегда прищурены в оценке угрозы. Мы примыкали к группам выживших лишь на время – ровно настолько, чтобы перенять навык: как ставить силки, как отличать ядовитый корень от съедобного, как чистить затвор, чтобы он не клинил в ответственный момент. Но мы всегда уходили. Доверие было валютой, которой мы не располагали. Ее съела инфляция апокалипсиса.

Однажды у костра, пламя которого отражалось в его серьезных глазах, он заговорил о будущем, которое считал неизбежным.

– Природа возьмет свое, Чарли, – сказал он, и в его голосе не было ни смущения, ни романтики. Был холодный, практичный расчет полководца, планирующего последнюю линию обороны. – Рано или поздно. И когда этот день настанет, не беги от него. Выбирай. Внимательно. Сильного не только кулаком, но и духом. Того, кто сможет защитить тебя, когда меня... когда меня не будет рядом. И пусть он будет тем, кого тебе будет не против вспомнить.

Я фыркала, отводя взгляд, чувствуя, как горят щеки. Но он был неумолим.

– Этот мир, он отнимает не только жизни. Он крадет выбор. Я не позволю, чтобы твой первый раз был взят силой. Чтобы в память врезались только боль, грязь и ненависть. Пусть в ней останется хоть что-то человеческое. Хоть тень того, что было до.

И он учил меня. Не только обороне, стрельбе или травмам. Он учил меня читать в глазах чужаков истинные намерения. Видеть за улыбкой – оскал, за предложением помощи – расчет. Мы слышали шепот о карантинных зонах, где люди, не тронутые грибом, жили хуже скотов, превращенные в рабов своими же. Наша воля была нашей единственной территорией, и мы защищали ее яростнее, чем любое поселение – свои стены.

Он всегда был моим щитом. Моей тенью и моим светом. А я... я стала его слабым местом. Его Ахиллесовой пятой. И когда пришло время, я не смогла стать для него тем же щитом. Я не уберегла.

Он погиб не от шупальца кордицепса и не от пули мародера. Он погиб, совершив выбор, на который был обречен с той минуты, как стал моим защитником. И когда связь, та самая незримая пуповина, разорвалась... со мной случилось нечто большее, чем просто горе. Это был внутренний катаклизм. Часть моей души ампутировали без анестезии, оставив зияющую, кровоточащую пустоту. И эта пустота проявилась снаружи – не как слеза или морщина, а как грубый, безобразный шрам, рассекший не только кожу, но и само мое отражение. Он стал внешним символом внутреннего разлома.

Печатью утраты.

Теперь симфония оборвалась. Осталась одна нота, вибрирующая в тишине, болезненно-громкая в своем одиночестве.

Меня зовут Чарли. И я – выжившая. Но это не гордое звание. Это приговор. Это память о второй половине себя, навеки оставшейся там, в темноте, куда я не могу последовать. Пока не могу.

Глава 1. Таинственная незнакомка

Мир, который мы помнили, был мертв. И никакая вакцина, даже ценой жизни девочки, не спасла бы его. Не от грибка – от нас самих. От той бездны порока, в которую мы рухнули с таким энтузиазмом, будто только и ждали повода. Мой выбор был эгоистичным. Он был для меня. Элли стала дочерью, живым, дышащим пластырем на ране, оставленной смертью Сары. Она ненавидит меня – я это вижу в скупых взглядах, в напряженной линии ее плеч, когда мы говорим. Она обещала пытаться простить. Обещала. А я... я подарил ей самое ценное в этом новом, жестоком мире: шанс иметь семью. Скоро у нее родится ребенок, и тогда она поймет истинную цену моего выбора. Поймет, что такое настоящая забота, этот вечный страх и непреходящая ответственность.

А пока я погружаюсь с головой в работу. Джексон – наше хрупкое убежище, наш ковчег. Я строю, проектирую, чиню. И выезжаю в рейды, как сегодня. За припасами, за обломками прошлого, за любой мелочью, которая может сделать жизнь в городе чуть устойчивее. Мы стараемся производить все сами, но призрак старого мира иногда манит удобствами: болтом, гвоздем, клочком не протёртой бумаги.

Сейчас я в седле, мой маленький отряд движется к старому мосту. Данные говорят о складах по ту сторону. На нутро легла тяжелая, холодная слизь предчувствия. Старая песня инстинкта, которую я научился не игнорировать. «Тише, – говорю себе. – Просто ветер с реки».

Передовые уже на мосту. Джоэл, уже не молодой но дерзкий, следует за ними. Его конь ступает уверенно по прогнившим доскам.

Выстрел прозвучал не как гром, а как сухой шелчок, переходящий в свист. Пуля ударила не в него – в лошадь Джоэла. Животное взвыло, встав на дыбы, и рухнуло вниз, увлекая за собой всадника. Я увидел, как их тела, слившись в один беспомощный ком, исчезли за перилами, в бурлящую пену реки. Холодный укол адреналина вонзился в сердце. «Засада!»

Перестрелка вспыхнула мгновенно. Пули запели вокруг нас. Мародеры? Федра? В хаосе не разберешь. Мы ответили огнем, отступая, прикрываясь опорами моста. Но Джоэла уже не было. Река, холодная и безразличная, поглотила его.

—

Сознание возвращалось к Джоэлу волнами, каждая более болезненная, чем предыдущая. Сквозь гул в ушах и ледяную боль во всем теле он ощущал рывки. Его тащили. По земле. Камни и корни впились в спину сквозь мокрую ткань. Потом – остановка. Чьи-то быстрые, уверенные руки ощупывали его голову, раздвигали волосы на затылке. Прикосновения были не грубыми, но и не нежными. Деловыми.

В рот потекла горькая, отвратительная жижа. Он попытался выплюнуть, но пальцы крепко сжали его челюсти, заставив проглотить. Кашель сотряс его тело.

Затем его перевернули. Холодный ветер весеннего вечера обжиг мокрую кожу. Но где-то рядом было тепло. Треск костра. Запах дыма, смешанный с запахом влажной земли. Сильные руки стащили с него куртку, потом свитер.

Он собрал все силы и приподнял веки. Над ним, заслоняя тусклое небо, склонилась фигура в темном капюшоне. Лица не было видно, только тень.

Голос прозвучал сквозь шум в голове, тихий, но отчетливый. Женский. Низкий, хрипловатый от усталости или привычки говорить мало, и оттого невероятно... красивый. В нем была глубина старого дерева и звонкость ручья.

«Не ободряйся. Не бросить беззащитного – не значит домогаться. Ты промок насквозь. Умрешь от воспаления легких, а я зря время потратила».

Джоэл хотел что-то сказать, поблагодарить, спросить, но тьма нахлынула снова, мягкая и неумолимая.

В полном забытьи, он видел сны, но один запомнился особенно... Холод от которого сбивало зубы... усталые слова *"Ну что мне с тобой делать?"*

И потом согревающее тепло, объятие... *"Надеюсь ты об этом ничего не вспомнишь, но если вспомнишь, я просто не хочу допустить твоего переохлаждения, а передать тебе своё тепло лучший способ"*

Это сработало, в мгновение я чувствовал тепло, даже жар исходящий от тепла хрупкого женского тела.

--

Он проснулся от тепла на лице и урчания в животе, настолько громкого, что, казалось, разбудило его само. Сознание прояснилось. Он лежал не на земле, а на плотном ложе из хвои и сухих листьев. Под головой – свернутая мягкая ткань, пахнущая дымом и... полынью. Воздух был теплым, влажным и наполненным ароматом – божественно-сытным ароматом варящейся на костре рыбы.

Он медленно повернул голову. Огонь плясал в неглубокой яме, над ним на треноге висел почерневший котелок. Пещера. Небольшая, сухая. Своды уходили в темноту.

«Проснулся?»

Голос. Тот самый. Он шел со стороны входа, где у стены, спиной к нему, сидела фигура. Бесформенная черная кофта с капюшоном, темные шорты, гольфы. Вид одинокого путника, призрака лесов.

«Думала, конец тебе. Не выкарабкаешься. Но ты, похоже, борец. Упрямый», – сказала она, не оборачиваясь.

«Сколько... сколько я тут?» – голос Джоэла звучал чужим, разбитым.

«В отключке? Два дня. На затылке у тебя было симпатичное рассечение. Почистила, обеззаразила. Дал тебе настойку против заражения крови. Шансы были пятьдесят на пятьдесят, если честно. Рада, что мой труд и припасы не пропали даром».

Он попытался сесть. Мир поплыл, и острая, тупая боль в висках сдавила голову тисками.

«Лежи. Или, на худой конец, полусидя. Тебе нужен покой еще пару дней. Тогда будешь как новенький. Ну, или почти».

«Спасибо... Но моя группа...»

«Насколько я успела разглядеть – живы-здоровы. Отстреливались, потом убрались восвояси. Откуда вы шли?»

«С востока. Из Джексона. Почему ты не... не сказала им, что я с тобой?»

Она наконец повернула голову, и Джоэл увидел профиль в тени капюшона: острый подбородок, прямой нос. А потом она повернулась к нему полностью и скинула капюшон.

«Господи», – мелькнуло у него в голове.

Волосы, темно-шоколадные, выющиеся тяжелыми волнами, обрушились ей на спину и плечи. И среди этой темной роскоши, у левого виска, лежала широкая, чистейшая седая прядь, как мазок лунной краски. Лицо было худым, с высокими скулами. Брови: левая – белая, тонкая, как нарисованная инеем, правая – темная, соболиная. Ресницы – та же история: слева белые-белые, справа темные. И глаза...

Глаза смотрели на него с любопытством и осторожностью. Один – холодного, зимнего голубого цвета, как лед в тени. Второй – ярко-зеленый, как молодая листва после дождя. Это была не просто разноглазость. Это была разбитая симметрия, шрам на самой красоте, делающий ее неотразимой и пугающей. «Какое чудовищное, великолепное творение уцелевшего мира», – ошарашено подумал Джоэл.

"Ну вот ещё, я решу сделать доброе дело, позвать толпу мужиков, в пещеру к себе, они заберут тебя, меня в довесок, нет уж, я тебя то не хотела спасать."

Она встала, подошла к костру и налила что-то в жестяную кружку. Руки ее были исцарапаны, но движения точные.

«Пей», – сказала она, протягивая кружку. Приказ. Не просьба.

Он поднес ее к губам, сделал глоток и скривился так, что, кажется, ощутил вкус этой гримасы на затылке. «На вкус как... как самое отборное дерьмо, извини за выражение».

Уголок ее рта дрогнул. Не улыбка, а ее тень. «Нужно. Это и лекарство, и обезболивающее. Одним махом. Выпей до дна, солдат».

Собрав волю в кулак, он осушил кружку. Через несколько минут тупая боль в голове отступила, сменившись тяжелой, но терпимой пульсацией. Затем она подала ему котелок с похлебкой – просто куски рыбы в ароматном бульоне с диким луком.

Джоэл ел жадно, не стесняясь, чувствуя, как тепло и сила возвращаются в тело. «Лучше любого ресторанного стейка», – пронеслось в голове, хотя он отдавал себе отчет, что это голод и «отборное дерьмо» в качестве аперитива сделали свое дело.

«Спасибо», – сказал он начисто выскобленному котелку. – Меня зовут Джоэл.

Она смотрела на него, ее разноцветные глаза оценивали. Казалось, она взвешивала риски. Потом вздохнула, откинув ту самую седую прядь. «Эх, ладно. Видела тебя практически голым, имя уж грех скрывать. Меня зовут Чарли».

Джоэл поперхнулся последней крошкой. «Чарли. Подходит. Ничего общего с хрупкими „Эммами“ из прошлого».

«В общем, пара дней отдыха, и – с богом, в свою коммуну. И да, – ее голос стал низким, почти шепотом, но от этого не менее весомым. – Если кому-нибудь, хоть кому-нибудь, проболтаешься про меня, про это место...»

«Пристрелишь?» – угадал он.

Она покачала головой, и в ее разноцветных глазах мелькнула ледяная искорка. «Нет. Это гуманно. Я отрежу тебе кое-что, что делает тебя мужчиной, и скормлю это первому же зараженному щенку. Понятно?»

Джоэл неожиданно для себя хрипло рассмеялся. Смех потянул раны, но он не мог остановиться. Это была смесь облегчения, боли и дикого восхищения. Эта девушка, эта Чарли, была как вспышка света в сером, предсказуемо-жестоким мире. Она спасла его, выхаживала, кормила и теперь с невозмутимым видом угрожала кастрацией.

В ней была та самая дикая, неукротимая правда, которой не хватало даже в Джексоне.

«Понятно как божий день», – выдохнул он, утирая слезу. – «Молчание – золото. Клянись».

«Вот и молодец», – она кивнула, и на ее лице промелькнуло нечто, почти похожее на одобрение. – «И да, на всякий случай: если ночью вздумаешь руки распускать или ко мне подкатывать...»

«...хуй отрежешь», – закончил он за нее, уже с полуулыбкой.

«Бинго. Спи. Завтра, если окрепнешь, поможешь хворост собрать. За постой и лечение».

Чарли натянула капюшон и вышла из пещеры, растворившись в сумерках. Джоэл остался лежать, прислушиваясь к потрескиванию костра и новым, странно умиротворяющим звукам: легким шагам снаружи, шелесту листьев, свисту ветра в скалах. Боль отступала, уступая место любопытству. Кто она? Откуда эти глаза, эта седая прядь в двадцать с небольшим? Как одна выживает в этих краях?

«Чарли», – повторил он про себя. И впервые за долгое время думал не об Элли, не о Джексоне, не об угрозах завтрашнего дня. Он думал о загадке, спасшей ему жизнь. И понимал, что его обещание молчать будет самым легким, что он давал за последние годы. Потому что некоторые встречи стоит беречь только для себя. Как редкую, дикую, невероятно красивую и смертельно опасную птицу, которую страшно и грешно спугнуть.

Чарли

Выстрелы. Проклятые выстрелы. Они рвут тишину леса, как ржавый гвоздь – плоть. Я сидела на берегу, пытаюсь по звуку определить, движется ли эта беда в мою сторону. «Вот и всё, – думала, – прощай, сухая пещера, прощай, запас кроличьих тушек. Придется сниматься с насиженного места». Вечный круговорот: найдешь укромный угол – его кто-то находит или стреляет рядом. Мир словно специально буравит тишину.

А потом река принесла «подарок». Сначала мимо, страшно размахивая ногами, пронесло мертвую лошадь. Жалко беднягу. А следом, в пятне пенистой воды, мелькнула спина в кожаной куртке. Человек.

Правило номер один, выжженное в мозгу за тринадцать лет: не лезь. Чужая смерть – не твоя вина. Чужая жизнь – не твоя ответственность. Любой незнакомец – потенциальная угроза. Логично, практично, проверено.

Но что-то шелкнуло. Не в голове – в груди. Какая-то глупая, доисторическая пружина. Может, вид того, как его безвольно крутит течением. Может, память о другой спине, на которую я смотрела, уже не в силах помочь... Без дум, на одном чистом инстинкте, я уже сбрасывала с себя одежду и ныряла в ледяную хватку весенней реки.

Вода ударила в виски, выгнала воздух из легких. «Идиотка, идиотка, идиотка!» – стучало в такт сердцу. Я доплыла, ухватила его за куртку. Тяжеленный. Мужчина, да еще в мокрой одежде. Из-под его темных волос на затылке струилась в воду тонкая дорожка крови, тут же смываемая, но не иссякающую. «Ранен. Отлично. Просто праздник какой-то».

Тащила его к берегу, скребясь сапогами по скользким камням. Руки горели, спина вопила. Затащила в пещеру и рухнула рядом, отплевываясь и дрожа. Он лежал бездыханный, бледный, как луна.

Пришлось заняться делом. Осмотр. Рассечение на затылке, приличное такое. Череп, слава всем забытым богам, цел. Промыла кипяченой водой – берегу для важного, а не для каждого прохожего, но ладно уж. Наложила пасту из подорожника и тысячелистника. Он сморщился, глухо застонал.

«Морщится. Значит, нервная система жива. Будешь жить, нахаленок речной. Хотя зачем тебе это надо – большой вопрос».

Потом встала самая дурацкая задача. Он был мокрый насквозь, зубы отбивали дробь даже у него в бессознательном состоянии. Оставлять в этом – гарантированная пневмония и все мои усилия коту под хвост. Значит, надо раздевать.

«Чарли, ты взрослая, самостоятельная, выдавшая виды женщина. Это просто медицинская процедура. Как снять шкуру с кролика. Только... теплее».

Снимала, стараясь не смотреть. Куртку, свитер, сапоги. Потом пришлось браться за штаны. «Господи, да это просто анатомический манекен. Совершенно бесчувственный манекен. Мышцы, сухожилия, ничего личного».

Развесила его одежду у костра, вернулась, накрыла его своим запасным одеялом из оленьей шкуры. И только тогда, в свете пламени, позволила себе взглянуть.

И... обомлела.

Незнакомец был... чертовски симпатичным. Лет под пятьдесят, но время, вместо того чтобы испортить, лишь добавило красок. Седые пряди в темных волосах – не возрастная слабость, а знак отличия, как у седого волка. Нос с горбинкой – не сломан, а именно такой, характерный, упрямый. Небрежная, коротко подстриженная борода обрамляла сильный подбородок. А тело... «То есть торс. Анатомический торс» – было покрыто рельефными, не качковскими, а рабочими, жилистыми мышцами. Шрамы. Их было несколько. Старые, белесые. Карта былых битв.

Я поймала себя на том, что сижу, подперев голову рукой, и разглядываю его, как диковинку. И на губах у меня блуждает какая-то дурацкая, мечтательная улыбка.

– Что? Нравится? Чего это я? – мысленно фыркнула я. – С ума сошла? Ты ведешь себя как последняя извращенка, Чарли! Он может быть бандитом, мародером, работоторговцем! Проснется, возьмет свой здоровенный кулак и...

И тут он тихо застонал во сне и повернулся на бок, к огню. Лицо разгладилось, стало почти безмятежным. И черт возьми, он от этого стал выглядеть еще... симпатичнее.

«Абсолютная констатация факта, – строго сказала я себе. – Объективная оценка биологического экземпляра. Выживаемость у таких высокая. Значит, может быть полезным... Нет! Не может! Он опасный незнакомец!»

Но он всё ещё дрожит, зубы отбивают чечётку... " Ладно, у него точно сотрясение и он бес сознания, не вспомнит. "

Чарли скинула с себя одежду и забралась под оленью шкуру к Джоэлу... *" Работает, не дрожит больше "* Учебники и различные пособия хорошо отложились в памяти, врачей нет и человек выживающий должен знать базовый минимум что-бы выжить или спасти человека.

На вторые сутки моя внутренняя борьба достигла эпических масштабов.

День второй. Утро.

Он спит. Жара нет, рана чистая. Это хорошо. Но он БОРМОЧЕТ. Бессвязные обрывки: «Элли... держись... мост...». Мешает спать, зараза. Если не выкарабкается, будет жаль потраченной мази. Очень качественная мазь была.

День второй. День.

Накормила его бульоном через силу. Глотает рефлекторно. Силы, видимо, начинает понемногу копить. Лежит, такой беспомощный... и все такой же чертовски симпатичный в своем беспомыслии. Особенно эти морщинки у глаз. Глубинные. От смеха, что ли? Непонятно.

«Чарли, хватит! Прекрати глазеть на пациента! Соберись! Он – осложнение. Он – угроза безопасности. Как только сможет идти – сразу выпроваживать. Никаких разговоров. Никаких имен. Просто «вон» и указательный палец в сторону леса».

День второй. Вечер.

Он открыл глаза. Сначала мутные, ничего не понимающие. Потом прояснились. Карие. Теплые и... уставшие. Очень уставшие. Как у того старого гризли, которого я однажды видела на водопое – выдавшего виды, но все еще могучего.

Он спросил про группу. Я соврала, что они ушли. Пусть уходят. Меньше свидетелей. Потом представился. Джоэл. Имя простое, твердое. Как его владелец.

И тут случился мой стратегический провал. Я назвала свое имя. Зачем?! Потому что увидела его без штанов? Потому что два дня ухаживала? Извращенный медицинский этикет?

А потом, чтобы компенсировать слабость, набросилась с угрозами. Про то, что пристрелю. Нет, лучше отрежу. Да, так страшнее. Надо выглядеть опасно, невменяемо, непредсказуемо. Отличный план.

И этот... этот Джоэл. Вместо того чтобы испугаться, он рассмеялся. Хриплый, настоящий смех, от которого морщинки у глаз сложились в лучики. И в этом смехе не было злобы или насмешки. Было... облегчение? Признание? Как будто я сказала самую смешную и самую правильную вещь на свете.

И этот смех, черт возьми, ударил по мне сильнее любой угрозы. Он обезоружил. Заставил где-то в глубине, под грудой осторожности и цинизма, дрогнуть.

Теперь он спит, а я сижу у входа, всматриваюсь в лесную темень. В руках сжимаю нож.

«Пару дней, Чарли, – повторяю я себе как мантру. – Подкормишь, подлечишь, скажешь «там, на востоке, твои». И все. Вернешься к своей жизни. К одиночеству. К безопасности. Он – случайность. Красивая, раздражающая, шумная случайность. Как солнечный зайчик в темной пещере. Приятно увидеть, но жить с ним нельзя – ослепнешь или споткнешься».

Но почему-то мысль о том, что через пару дней пещера снова станет тихой, почему-то не приносит привычного облегчения. А лишь оставляет за собой странный, тихий осадок. Похожий на вкус той самой горькой настойки, которую я ему вливала. Вроде противно, а помогает

Глава 2. Предложение

На следующее утро Джоэл проснулся не от привычной за последние дни тупой боли в затылке – та отступила до смутного, терпимого эха. Его разбудили странные, ритмичные звуки снаружи: приглушенные удары, шарканье, резкие выдохи. Он сел, и мир не поплыл. Прогресс. Мышцы ног затекли и протестовали, но после трех дней неподвижности это было закономерно. Опираясь на стену, он выбрался из пещеры в сероватый свет предрассвета. И замер. Чарли дралась с деревом. Точнее, отрабатывала удары на толстом стволе сосны. Ее волосы, собранные в высокий хвост, взлетали и падали с каждым движением. На ней не было безразмерной кофты – только черная майка-алкоголичка, шорты и те же длинные гольфы. И в этом нелепом, на первый взгляд, наряде она выглядела... смертоносно. Ее стиль был дикой смесью всего подряд: резкие тычки тренировочным ножом в предполагаемые точки тела, низкие удары ногой по «голеням», отточенные блоки предплечьями. Это не было спортом. Это была наука выжить и убить, высеченная в мышечной памяти до автоматизма. «Интересный стиль для апокалипсиса, – подумал Джоэл, прислоняясь к скале. – Никакой показухи. Только эффективность». И тут его взгляд, помимо его воли, сменил фокус. С хрупкой, почти девичьей фигурой, обтянутой тканью. Узкая, гибкая талия, стройные, но сильные ноги, и... «Господи, Миллер, тебе пятьдесят, а не пятнадцать», – мысленно отругал он себя, чувствуя, как тепло разливается по щекам. Он не был монахом. Женщины в Джексоне иногда смотрели на него – седина, шрамы, молчаливая уверенность работали как магниты для одних и отпугивали других. Но серьезно? Нет. Сара была его любовью, а Элли – его искуплением и якорем. Все остальное казалось непозволительной роскошью, игрой в дом, которую в любой момент могла прервать пуля или щупальце кордицепса. Быть холостяком было не лучшим, но самым безопасным решением. Его семья – Элли, Томми, Мария. На этом точка. Но сейчас, наблюдая за этой дикой, одинокой кошкой, отбивающей лапы о дерево, в нем зашевелилось что-то давно забытое. Не только желание – ответственность. Быть такой и одной – это не выживание, это самоубийство в рассрочку. Кто прикроет ей спину? Чарли замерла, как бы почувствовав его взгляд кожей спины. Не оборачиваясь, она натянула валявшуюся на камне кофту, снова превратившись в бесформенный темный комок. «Рада, что тебе лучше, – бросила она через плечо, слегка запыхавшись. – Надеюсь, настолько лучше, что готов идти себе по добру по здорову?» Ее прямой намек был ясен как божий день. Но Джоэл уже принял решение. «Да. Если не против, я выдвинусь на рассвете завтра». «Так уж и быть», – флегматично согласилась она, подбирая с земли тренировочный нож. «Ты говорила, дров наколоть надо? Я готов». Она обернулась, и в ее разноцветных глазах мелькнуло что-то вроде насмешки. «Да чего уж там, не надо. А то станет хуже, еще задержишься. Иди лучше поешь. На углях, в фольге». «Спасибо тебе, – сказал он тихо, и в этих словах была тяжесть, несоразмерная простой благодарности за еду. – За заботу». Чарли лишь

натянута улыбнулась, будто это слово – «забота» – было на незнакомом языке. И крикнула ему уже в спину: «И фольгу не рви и не выбрасывай! А то знаю я вас, коммунных! Ничего ценить не умеете!» Джоэл, разворачивая еще теплый сверток, невольно ухмыльнулся. В фольге лежал сочный кусок крольчатины с травами. «Откуда она только взялась? – размышлял он, с наслаждением разжевывая мясо. – Могла пройти мимо. Должна была пройти мимо. С таким-то характером могла еще и плюнуть в реку с возмущением, что „видетели“ воду засоряют». Вернувшись в пещеру после справления нужды, он застал Чарли, роющуюся в своем потертом рюкзаке. Она вытащила два не первой свежести, но чистых полотенца и кусок серого, пахнущего щелочью хозяйственного мыла. «На», – бросила она одно полотенце ему в лицо. – «Я пойду первая помоюсь в реке. Потом ты. А то невыносимо уже». Джоэл скомкано поймал полотенце и принялся к сгибу собственной руки. Ну да. Запах пота, крови и речной тины. Хорошее оправдание – чуть не помер. Но, кажется, оно ее не убедило. Мыться в ледяной весенней реке было испытанием. Мыло выедало глаза и сушило кожу. Но когда холодная вода смыла с него последние следы липкого кошмара, он почувствовал себя по-настоящему живым. Обновленным. Он бросил взгляд на пещеру. Оттуда не доносилось ни звука. «Учитывая, – снова усмехнулся он про себя. – Хотя сама призналась, что всё уже посмотрела». Вечером они сидели у костра, и это молчание было странно комфортным. Не напряженным, а общим. Два уставших путника у огня. Джоэл набрал воздуха в грудь, нарушая тишину. «Чарли?» Она подняла на него глаза. Огонь играл в них, делая голубой – как расплавленный металл, а зеленый – как глубокий изумруд. «Да?» «Я тут подумал, – начал он, тщательно подбирая слова. – Я не из тех, кто кого попало тащит в свое поселение. Но ты спасла мне жизнь. Кормила, поила, лечила. Хочу предложить два варианта». Она молчала, не перебивая, и это ободряло. «Первый: ты идешь со мной. В Джексоне есть пустующие дома. Горячая вода, отопление, электричество. Еда, медикаменты, безопасность за стенами». «Нет, спасибо», – ответила она так быстро, будто ждала этого. «Почему так сразу резко?» «Я всю сознательную жизнь живу за пределами любых стен. Меня это устраивает. Я могу сама обеспечить себя теплом, едой и... тем, что я считаю уютом. Мне не нужно притворяться в каком-то поселке, что все хорошо и опасностей нет. И... я тебя не знаю. Ты был неплохим гостем, но кто ты на самом деле – одному богу известно». Ее речь была ровной, логичной, как отчет. «Звучит логично. И... грустно», – заметил Джоэл. «Это еще почему?» – она нахмурилась, и белая бровь поползла вверх. «Потому что я, по сути, тоже одиночка. Но всем нам, людям, иногда нужно общество. Комфорт. Уверенность в завтрашнем дне». Он сделал паузу. «Есть второй вариант. Ты все равно идешь со мной. В качестве благодарности я даю тебе хороший спальный мешок, припасы, медикаменты, что-нибудь из книг, если захочешь. И лошадь. Твою собственную. И клянусь – тебя никто не тронет, не задержит. Получишь свое и уйдешь, когда захочешь». Чарли пристально смотрела ему в глаза, ища ложь, подвох, скрытый смысл. Но видела только усталую прямоту. Припасы и лошадь... это был серьезный аргумент. Но соглашаться сразу – значит показывать слабость. «Я подумаю», – отрезала она и отвернулась, будто разговор исчерпан. Спустя считанные секунды ее дыхание стало ровным и глубоким. Она провалилась в сон с легкостью человека, привыкшего отдыхать урывками, когда выдается возможность. «Какая же она странная, – думал Джоэл, глядя, как огонь золотит ее ресницы. – И какая... притягательная». Она была проворной и хитрой, но истощалась до предела, выкладываясь на все сто. Сейчас она не слышала, как он встал. Не почувствовала, как он, задержав дыхание, осторожно убрал с ее щеки выбившуюся прядь волос, мягкую и пахнущую дымом. Она казалась слишком хрупкой, почти нереальной для этого жестокого мира. Джоэл даже не понял, что смотрит на нее и улыбается. Глупо, бессмысленно улыбается. Но сердце его все же пропустило удар, когда она чуть шевельнулась во сне, пробормотав что-то неслышное. «Запугала старика, засранка», – прошептал он все с той же не сходящей с лица искренней, немного дурацкой улыбкой. А в голове уже строились планы, какие именно припасы стоит ей дать, и какую лошадь выбрать – помирнее, но выносливую. Глава 3. Начало пути

Джоэл лежал в темноте, слушал ровное дыхание Чарли и думал. Мысли метались, как летучие мыши в пещере. Его группа... Добрались ли они до Джексона? Сообщили ли Томми? А Элли... «Интересно, переживает ли моя малышка?» – в этой мысли была и грусть, и странная, почти отцовская гордость. Он знал, что переживает. И это заставляло его торопиться. Но главная мысль крутилась вокруг спящей в двух шагах загадки. Как убедить ее остаться? Не навязаться, не напугать. Просто... показать, что стены – это не клетка. Что безопасность может быть не иллюзией, а ежедневной реальностью с горячей водой и хлебом, который не надо отвоевывать каждый день. Он не собирался приставать. Боже упаси. Она была как дикая лань – одно неловкое движение, и растворится в лесу. Но видеть ее каждый день... знать, что она не спит, прижав нож к груди, а в теплой постели... Этой мысли он позволил задержаться. «И что эта чертовка со мной делает? – с внутренним, горьковатым смешком спросил он себя. – Я – Джоэл. Меня боятся бандиты, мародеры и, черт возьми, иногда свои же. Я прошел через ад и вытащил из него праведный гнев. А она... она умудрилась вызвать у меня улыбку. Искреннюю. Давно я так не смеялся, как над ее обещанием отрезать мне причинное место». С этим почти умиротворяющим осознанием он и провалился в тяжелый, но мирный сон. «Джоэл. Вставай» Его вырвали из глубин сна не голосом, а действием. Чья-то рука легла ему на плечо, трясая с непривычной настойчивостью. Он открыл глаза и тут же ощутил на губах ладонь – холодную, с шершавыми подушечками пальцев. «Тихо... – прошептала Чарли, ее лицо было бледным пятном в предрасветном мраке. – В лесу, неподалеку, люди. Я проверила. Не знаю, твои или нет, но... доверия они не внушают». Он кивнул, и она убрала руку. Движения были отработаны до автоматизма: тихо подняться, взять оружие, прислушаться. Он крался, как тень, к краю леса, откуда доносились приглушенные голоса и звон металла. Не его люди. Слишком громкие, слишком развязные. Охотники. На что или на кого – вопрос второй. Он отполз обратно. Чарли уже собрала свои жалкие пожитки и стояла, готовая к бегству, лицо – маска сосредоточенности. «Уходим отсюда, – прошептала она, указывая на почти невидимую тропу вдоль реки. – Если чувствуешь себя не в порядке, держись за мою сумку. Я знаю выход». «Нет, я в порядке», – буркнул он, и это была почти правда. Адреналин – лучшее лекарство. Они шли, пригнувшись, их шаги поглощала сырая земля и шум воды. Лишь когда голоса окончательно растворились вдали, Чарли выпрямилась и выдохнула. «Оторвались. Не думаю, что нам бы повезло, если б один из них спустился к реке за водой». «Ты идешь со мной?» – спросил он прямо, без предисловий. Она посмотрела на него, ее разноцветные глаза в сером свете утра казались просто разными оттенками стали. «Да. Если твое предложение о припасах еще в силе». «Конечно», – кивнул он, и в груди что-то емкое и теплое шевельнулось, вопреки всей логике. «Тогда замечательно». Они шли весь день, сначала по лесу, потом по высохшим полям. Молчали. Но это молчание уже не было прежним – в нем висели невысказанные вопросы. Джоэл нарушил его первым, когда лес окончательно остался позади, уступив место холмистой равнине. «Далеко же ты забираешься. От любых намеков на цивилизацию». «Да, – коротко ответила Чарли. – Мое личное правило: никого не трогаю, не „свечусь“, и жива. И никого не убиваю. Кроме дичи и зараженных, разумеется». «Интересная тактика, – заметил Джоэл. – И давно так?» «С самого начала. С того дня, когда все это началось. Я была ребенком. Пришлось научиться выживать так, как получалось». «Значит, всю жизнь одна?» – спросил он, стараясь, чтобы в голосе не звучало сочувствия, а лишь нейтральное любопытство. Она замялась. «Нет. Не всю. Только последний год». «И где же... остальные?» «Моего брата больше нет», – выпалила она, и голос ее дрогнул, став тоньше. Сразу же она отвернулась, ускорив шаг, будто жалея о сказанном. Чарли: Как ему это удастся? Разговорить меня, да еще и сманить за какими-то призрачными богатствами. И про брата ляпнула... Дура. Главное правило: не сближаться. Ничего о себе не рассказывать. Ни с кем не уходить из своего района. Все нарушила. Он сейчас поравнялся... Хотя хоть не воняет уже. Но почему, когда я смотрю на его затылок или на эти сильные руки, держащие винтовку, сердце предательски колотится, как сумасшедшее? Надеюсь, он не слышит. А если слышит? Ладно...

Он не вызывает тревоги. Напротив. Какое-то... странное спокойствие. Пусть ведет. Главное – не привязываться. Жить за стеной я не хочу. Там скучно. И он во сне какую-то «Элли» звал... Дочь, наверное. Или жена. Вот опять несешь чушь. Она украдкой взглянула на его профиль в косых лучах заката. Сильный, грубоватый, с той самой упрямой горбинкой на носу. «Щеки что ли покраснели? Да нет, показалось...» – она потрогала собственное лицо, будто проверяя его температуру. «Прости за неудобные вопросы, – голос Джоэла вернул ее к реальности. – И... мне очень жаль. О твоём брате». «Да ничего, ты же не знал», – пробормотала она, снова уходя в себя. «Нам нужно где-то переночевать», – сменил он тему, оглядывая местность. Она кивнула и указала на темнеющий впереди силуэт. «Вон там, городок. Найдем дом или мотель». Придорожный мотель «Санрайз» когда-то видел лучшие дни. Сейчас он видел только пыль и отчаяние. Джоэл первым вошел в полуразрушенное лобби, винтовка наготове. Осмотр был быстрым и эффективным. «Берем матрасы с кроватей, – скомандовал он, вытаскивая два наименее проваленных. – Ляжем за стойкой администратора. Так безопаснее. Будем... рядом». «Вместе?» – не удержалась она, и голос ее прозвучал на октаву выше. Он обернулся, и в его глазах мелькнула усталая усмешка. «Я имел в виду – в одном помещении. Чтобы прикрывать друг другу спину». «А, ну да, конечно, – поспешно согласилась она, чувствуя, как жар заливает уши. – Извращенка, опять не то подумала...» Они устроились в темноте за высокой стойкой, положив матрасы вплотную друг к другу. Джоэл смотрел в потолок, где трескалась штукатурка, а Чарли смотрела на него. В темноте его черты были сглажены, и он казался... моложе. Или просто другим. Более человечным. «Ты на мне дыру просверлить хочешь? – внезапно раздался его голос, спокойный и чуть хриплый. Она вздрогнула. «О чем ты? Я спать пытаюсь...» «Ну-ну, – усмехнулся он. – Сколько тебе лет, Чарли?» «Двадцать три, – ответила она, удивленная прямоотой. – А тебе?» «Сорок девять». «Ого. Хорошо сохранился», – вырвалось у нее с неподдельным интересом. «Спасибо на добром слове, – он повернулся на бок, спиной к ней. – Ну все, спи. Нам предстоит долгий путь». «Ага...» Она слышала, как его дыхание скоро стало ровным и тяжелым. Этот звук был... уютным. Успокаивающим. Давно она не чувствовала себя так защищенно. Прямо как тогда... «Нет, не думай об этом. Иначе опять...» – она резко перевернулась на другой бок, отворачиваясь от его широкой спины. «Сплю на новом месте, приснишь жених невесте», – автоматически прошептала она старую, глупую присказку из детства, которую всегда говорила, ночуя в новых местах. И вдруг явственно услышала сдавленный смешок. Тихий, но отчетливый. Он же спал? Или нет? Горящий стыд накрыл ее с головой. «Ну вот, опозорилась окончательно». Она закуталась в свой тонкий плащ, желая провалиться сквозь землю, и, убаюканная собственным смущением, наконец уснула. Сон был теплым и странно реальным. В нем был жених. Он что-то говорил низким, приятным голосом с легкой хрипотцой. Его большие, шершавые руки гладили ее по щеке, по шее... Лица она не видела, но ощущения были такими яркими, такими... желанными. Она проснулась с ощущением легкой грусти и пустоты в груди. Повернулась на бок, туда, где лежал Джоэл. Его не было. На секунду ее охватила паника – иррациональная, острая. Но потом она услышала снаружи шаги. Выглянула в разбитое окно. Он шел через парковку, держа в руках подстреленного кролика. Солнце только поднималось, озаряя его седеющие виски и сосредоточенное лицо. «Моя очередь тебя угощать, – сказал он, заметив ее. – Давай позавтракаем и двинем дальше». Она кивнула, глядя, как он ловко начинает свежевать тушку. И в этот момент, в тишине утра, с запахом пыли и свежей крови, к ней пришло тихое, непреложное знание. Ясное, как этот прохладный воздух. «Не знаю, что на меня нашло, – подумала Чарли, наблюдая за его уверенными движениями. – Но ему... ему точно можно доверять». И впервые за долгий-долгий год это чувство не было связано со страхом или расчетом. Оно было просто чувством. И от этого становилось немного страшно. И невероятно спокойно.

Глава 4. Звезды и каменные сердца Пустоши обладали собственной тихой музыкой. Шуршание сухой травы под сапогами, далекий крик птицы, ветер, перебирающий струны обо-

рванных проводов. Джоэл слушал эту музыку и – сквозь нее – легкие шаги Чарли позади. Он поймал себя на том, что определяет ее состояние по звуку: если шаги ровные и легкие – все в порядке; если на секунду сбиваются – она устала или задумалась; если затихают – она замерла, что-то заметив. *«Контрабандистский радар, Миллер? – язвительно спросил он себя. – Следить за девчонкой, как сержант за новобранцем?»*. Но это была не правда. Он следил не как новобранец. Он следил как... как кто-то, кто несет хрупкий груз и боится его уронить. Этот груз был не ее жизнь – с этим, как оказалось, она справлялась сама. Этот груз был едва уловимая, абсурдная надежда, что за эти несколько дней пути с ним она, возможно, чуть меньше будет похожа на призрака. К вечеру они вышли к одинокой, полуразрушенной ферме. Амбар был без крыши, зато дом стоял, пусть и с выбитыми стеклами. Более безопасного варианта не предвиделось. *«Здесь, – сказал Джоэл, толкая скрипучую дверь. – Я проверю верх. Ты осмотри первый этаж. Ищи мышей, змей и прочую радость»*. *«Мог и не говорить, уж получше некоторых разбираюсь!»* – парировала Чарли, но нырнула внутрь, мгновенно растворяясь в тенях, как будто и была их частью. Они устроились в самой дальней комнате, где осталась печка-буржуйка и два растянутых кресла, из которых клочьями лезла начинка. Развели небольшой, почти бездымный огонь. Ели молча, вяленое мясо что Чарли успела запасти пока они находились в пещере. Он наблюдал, как она ест – методично, без жадности, цenia каждую калорию. Её пальцы, тонкие и исцарапанные, казались слишком хрупкими для этого мира. *«Спать будем по очереди, – заявил он, заворачивая остатки мяса. – Я первый. Разбужу через четыре часа»*. *«Не надо меня будить. Я и так не усну»*, – она откинулась в кресло, завернулась в свой плащ, превратившись в темный комок с блестящими в огне глазами. *«Приказ, – отрезал он мягко, но так, что не предполагалось возражений. – Ты тащила на себе и меня, ухаживала за мной пока я был в отключке. Организму нужен сон. Это не слабость, это топливо»*. Она что-то проворчала, но не стала спорить. Джоэл, устроился в соседнем кресле, погружившись в собственные мысли глядя на маленькие языки пламени. В считанные секунды дыхание стало ровным и глубоким. *«Врунья, – с внутренней усмешкой подумал он. – Спит, как убитая»*. Он не стал её будить. **Чарли** Я не думала, что усну. Но тепло от печки и эта дурацкая, необъяснимая уверенность, что *он* на посту, сбили меня с ног. Проснувшись я от тишины. Огонь в буржуйке тлел, комната была в бархатной, почти тёплой тьме. Джоэл сидел в своём кресле, подбородок уткнув в грудь. Он спал. *«Я да я, да я тебя разбужу – беззлобно подумала я. – Сам заставил меня спать, в итоге сам свалился»*. Я хотела разбудить его, отчитать... но не смогла. При свете угольков его лицо было лишено привычной суровости. Морщины вокруг глаз казались просто тенями, а не следами двадцати лет ада. Он выглядел... усталым. По-человечески усталым. Я тихо поднялась и выскользнула через разбитое окно наружу. Ночь была ясной и ледяной. Небо усыпали звёзды – такое количество, что от него рябило в глазах. Я всегда любила звёзды. С братом мы придумывали им имена и разные истории, мы были детьми... Всякое выдумывали. Я прислонилась к холодной стене дома, глядя вверх, и воздух вышел из легких облачком пара. *«Эй, Элиас, – прошептала я, зная, что это глупо. Совершенно, идиотски глупо. – Ты там... как?»* Ветер шелестел сухой травой, словно в ответ. Я обняла себя, но не от холода. *«Тут, понимаешь, ситуация. Я... нарушила все правила. Все твои правила. Вытащила из реки какого-то рейдера. А он... он не оказался козлом. Вообще. Чёртовой антикварной редкостью оказался»*. Я помолчала, собираясь с духом. *«Он зовёт меня в своё поселение. Говорит, даст лошадь и припасы и я смогу уйти когда захочу. Но я... я чувствую, что это ловушка. Не его. Моя собственная»*. Я закрыла глаза, чувствуя, как комок подступает к горлу. *«Мне страшно, брат. Не так, как от заражённых или бандитов. По-другому. Мне страшно, что я... хочу пойти. Не за припасами. А потому что с ним... тихо. И когда он смотрит на меня, он не видит добычу или проблему. Он видит меня. И я не знаю, что с этим делать»*. Я открыла глаза, вглядываясь в мерцающую бесконечность, как будто могла разглядеть в ней его улыбку. *«Ты бы его возненавидел, – хрипло рассмеялась я. – Сказал бы: «Чарли, он старый, угрюмый и явно с кучей*

багажа из прошлого». И был бы прав. Но ты бы также увидел, как он чинит лямку на моём рюкзаке, когда думает, что я не смотрю. И как отдал мне последний кусок шоколада из своего НЗ, сказав, что у него от него изжога». Слёзы, предательские и горячие, покатались по щекам, но я не стала их вытирать. «Я не прошу разрешения жить. Я знаю, что ты бы заставил меня. Но... я прошу знака. Глупо, детски, но... если я не должна с ним сблизиться, если это путь в никуда... дай мне знать. А если... если можно хоть на секунду перестать просто выживать...» Я замолчала, не в силах договорить. И в эту секунду, будто в ответ, по небу рассекла длинная, яркая полоса. Падающая звезда. Чистая, быстрая, невероятная. Я застыла, затаив дыхание. А потом ещё одна. И ещё. «Звёздный дождь, – прошептала я. – Ты что, там всем управляешь? Такой пафосный знак устроил». Но внутри всё перевернулось. Груз, который я тащила год, будто на миллиграмм стал легче. Я улыбнулась сквозь слёзы. «Ладно, поняла. Буду считать, что ты не против. Но если всё пойдёт к чёрту, я тебе устрою сцену на том свете». Я ещё немного постояла, пока дрожь от холода не стала сильнее дрожи в душе. Потом тихо забралась обратно. Джоэл всё так же спал в кресле, но, кажется, его поза была менее скованной. Я взяла свой плащ и, после секундного колебания, накрыла его. Он вздрогнул, пробормотал что-то невнятное, но не проснулся. **Джоэл** Он проснулся от странного ощущения – тепла и запаха. Тепло исходило от плаща Чарли, которым он был укрыт. А запах... это был едва уловимый запах дыма, полыни и чего-то дикого, чисто её. Он открыл глаза. Чарли сидела у печки, подбрасывая в неё щепки. На улице сквозь разбитое окно лился серый свет рассвета. «Ты меня накрыла?» – хрипло спросил он, скидывая плащ. Она не обернулась. «Ты храпел. Решила, что если ты будешь в тепле, то хотя бы тише. Не сработало». Какая наглая ложь. Он не храпел. Все с кем бы он не ночевал всегда говорили, что он спит, как убитый, без звука. Но спорить не стал. Вместо этого встал, потянулся, и кости затрещали с таким скандалом, что Чарли фыркнула. «Концерт, – сказала она. – Прямо оркестр костей. Ты точно не заражённый? У них тоже сочленения похрустывают». «У меня возраст, засранка, – беззлобно огрызнулся он, подходя к окну. – Это благородный хруст опыта». Он посмотрел на неё. Под глазами были легкие тени, но сами глаза – ясные. Очень ясные. «А ты выспалась?» «Конечно – она наконец повернулась к нему. – А ты проспал свою смену. Нужно позавтракать и в путь. Он кивнул, принимая её негласное «спасибо» за то, что он дал ей поспать. Пока она возилась с едой, он подошел к своему рюкзаку, чтобы достать кружки. Проходя мимо, он нечаянно задел её плечо. Контакт длился долю секунды. Через толстый слой ткани её кофты он почти ничего не почувствовал. Но его тело отреагировало, как на удар током. Он резко отпрянул, будто обжёгся. «Прости», – буркнул он, ненавидя себя за эту резкость. Она замерла с ложкой в руке. «Ничего страшного. Не сломал». Они позавтракали в том самом комфортном молчании, которое теперь было заряжено новыми, невидимыми искрами. Когда они собирали вещи, его пальцы снова нашли её – на этот раз когда он передавал ей свернутую фольгу. Их пальцы встретились, и оба застыли на секунду, прежде чем она выхватила свой свёрток. «*Что ты делаешь, старый идиот?* – мысленно кричал он себе. – *Ей двадцать три. У неё вся жизнь впереди, если, конечно, она не наступит на мину или не свяжется с каким-нибудь седым обломком вроде тебя. Она невеста для какого-нибудь молодого парнишки из Джексона, а не для тебя*». Он посмотрел на нее, пока она ловко упаковывала рюкзак, и сердце сжалось от чего-то острого и сладкого одновременно. *Запутался. Окончательно.* **Чарли** Когда его пальцы коснулись моих, я едва не выронила фольгу. От этого прикосновения по спине пробежали мурашки – не от страха, а от... предвкушения? «*Чарли, ты окончательно спятила. Он извинился, как от прокажённого отшатнулся. Ему пятьдесят, он видит в тебе ребёнка, потерявшегося щенка, и только*». Но когда я украдкой взглянула на него, он с таким мрачным видом шнуровал свои сапоги, будто готовился к казни. И в этом было что-то... смешное. И безнадежное. И знакомое. Мы вышли на улицу. Утро было морозным и ясным. «Сегодня дойдём до реки Снейк, – сказал Джоэл, проверяя карту. – Переправимся вброд в знакомом мне месте. Там течение спокойнее». «Зна-

комом? Ты что, здесь раньше охотился? На людей?» – не удержалась я. Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула та самая усталая усмешка. «На драгоценные гвозди и медные трубы. Но люди иногда попадались. В качестве осложнения». Он пошёл впереди, и я смотрела на его широкую спину, на уверенный шаг. Мой брат был прав. Он определённо был «старый и с багажом прошлого». Но падающая звезда была так же реальна. А значит, у меня есть мандат на одну, единственную, крошечную глупость. Я догнала его, и теперь мы шли не друг за другом, а почти плечом к плечу. Он бросил на меня удивлённый взгляд. «Что? – огрызнулась я. – Так ветер меньше дует. Прагматика». Он ничего не ответил. Только кивнул. И в уголке его губ, скрытой бородой, дрогнула та самая непобеждённая, упрямая ниточка улыбки. А впереди была река, дорога и весь этот неудобный, прекрасный, невыносимо живой мир.

Глава 5. Зверь из тени Инстинкт – это не голос. Это тихая, ледяная рука, сжимающаяся вокруг спинного мозга. Джоэл остановился у развилки тропы, ведущей к широкому, мелководному броду через реку Снейк. Место вроде бы спокойное. Тишина – лишь птицы да шелест камышей. Но ледяная рука сжималась сильнее. «Черт», – тихо выругался он, обводя взглядом противоположный берег, заросший сорняком. Идеальное место для засады. Слишком идеальное. Он повернулся к Чарли, которая уже скинула рюкзак и присела на корточки у воды, проверяя ботинки. Солнце играло в её темных волосах, высветляя ту самую седую прядь. Она выглядела... беззащитной. Хотя он и знал, что это не так. «Чарли», – его голос прозвучал резче, чем он планировал. Она подняла на него свои разноцветные глаза. «Я отойду на разведку. На полчаса, не больше. Останься здесь, у воды. В тени этих камней. Не разводи костер, не шуми. Если услышишь что-то – три коротких свистка. Поняла?» Она нахмурила белую бровь, изучая его лицо. «Опасность?» «Возможно, паранойя. Но моя паранойя меня до сих пор не подводила меня. Сиди тихо». Он видел, как в её глазах вспыхнуло желание спорить, сказать, что она пойдет с ним. Но она лишь кивнула, коротко и деловито. «Полчаса. Потом начинаю волноваться и искать твой старый зад в кустах». Уголок его рта дрогнул. «Справедливо». Он ушел быстро и бесшумно, растворяясь в зарослях, как тень. Его нутро, эта отточенная за десятилетия антенна, вибрировала тревогой. Он проверял старые следы, сломанные ветки, слишком уж удобные позиции для стрелка на том берегу. Каждая минута казалась вечностью. Мысли лезли в голову против его воли: *«Она сидит там одна. Маленькая, дерзкая, со своим ножом и смертоносной грацией. Но против пули или внезапного удара сзади...»* Он заставил себя сосредоточиться. Осмотрел предполагаемую зону засады. Ничего. Ни следов костра за последние дни, ни гильз, ни свежего мусора. Может, и правда паранойя? Но ледяная рука не отпускала. Что-то было не так. Тишина. Слишком глубокая тишина, будто птицы замолчали не здесь, а там

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.